

Он спросил:

— Кто такой Су Иянь?

Маленькая кастрюлька булькала, и Фу Синчэнь, наклонившись, выдернул вилку из розетки. Аромат кофе поднялся в воздух, настолько густой, что, казалось, мог затуманить зрение.

— Угадай.

— Не буду угадывать.

Фу Синчэнь пошел к своему месту, неся кастрюльку, но по пути И Цзялэ перехватил чашку.

Он обернулся к Тан Суну, шедшему за ним:

— Ты будешь?

— Я не хочу.

Тан Сун считал, что Фу Синчэнь мастер задавать вопросы, на которые не требуется ответа. Он даже не сказал ему, кто такой Су Иянь.

— Брат, твоя кастрюлька может готовить что-то еще?

— Кажется, да. А что?

— Хочу сварить хого сегодня на обед.

— Что?

Тан Сун, как всегда, действовал спонтанно.

— Кастрюлька слишком маленькая.

— Мы можем купить готовый набор для хого и поесть вместе.

Цуй Янь сегодня не на работе? Фу Синчэнь не знал об этом.

— Пожалуйста, брат, я больше не хочу есть с Су Иянем.

Тан Сун был самым искусным в умении кокетничать, что Фу Синчэнь когда-либо видел. Он держал его за рукав, выглядело это жалко.

— Су Иянь — просто зверь. Если бы я знал, что он такой, я бы никогда не согласился участвовать в дебатах.

Фу Синчэнь не стал копать глубже — это было в его характере, но Тан Сун хотел рассказать.

— Ты участвовал в дебатах?

— Да. Брат, ты придешь посмотреть?

— Какого числа?

Взгляд Фу Синчэня переместился с родинки на запястье Тан Суна на его лицо.

— Третьего и четвертого. Придешь? В эти дни не выходные, и кроме тебя, наверное, никто не придет.

— Ладно.

Казалось, Фу Синчэнь никогда не говорил Тан Суну «нет».

— А как насчет хого?

— ...Ладно.

— Договорились...

Тан Сун не успел закончить, как его прервала Цуй Янь, вошедшая на каблуках.

— О чем болтаете, Тан Сун! Время утреннего урока, закройте рот!

Цуй Янь держала в руках учебник математики, выглядела она грозно. Фу Синчэнь молча отвернулся — он был учеником другой школы, и Цуй Янь не стала его упрекать.

Она бросила книгу на кафедру и сказала:

— Новогодние каникулы закончились, вы все знаете, что это ваш последний отпуск, кроме воскресенья. Есть вещи, которые я не хочу говорить, но посмотрите на ваше состояние!

Цуй Янь указала на учеников под кафедрой:

— Вы все выглядите как мертвецы. Вы думаете, я не разберусь с вами позже?

Учителя, казалось, были мастерами «пауз» и «поворотов». Цуй Янь сначала перелистала несколько страниц учебника, а затем внезапно сказала:

— Кто запускал фейерверки в школе перед каникулами, встаньте.

Фу Синчэнь медленно поднялся.

Цуй Янь пересчитала девять человек.

Четыре из них были поступившими без экзаменов. Школа приложила столько усилий, чтобы привлечь их, не для того, чтобы увеличить концентрацию отличников в классе.

Цуй Янь считала, что без правил не будет порядка. Она сказала:

— Где в школьных правилах написано, что можно запускать фейерверки в школе? Вы смелые, если бы что-то загорелось, вы бы смогли заплатить?

Ся У мог бы.

Но Ся У не осмелился сказать.

— Я подумала о вас на Новый год и не стала вас вызывать, а вы, вижу, совсем не уважаете меня. Вы думаете, что в старших классах я не буду вызывать родителей?

— Почему вы молчите? Расскажите, как вы думаете, вы здесь учиться пришли или развлекаться? Все пишите объяснительные, завтра найдете время и прочитаете их в коридоре!

Это был первый раз, когда Фу Синчэнь в жизни должен был писать объяснительную. Тан Сун предположил, что это так, и, увидев, что Цуй Янь отвернулась, он похлопал Фу Синчэня по плечу, боясь, что тот расстроится.

— Брат, ты в порядке?

Фу Синчэнь был поражен Тан Суном — только что его отчитали, а он уже снова шалит под носом у Цуй Янь. Он шепотом сказал:

— Передай записку.

— Ок.

Тан Сун нарисовал на бумаге толстую гусеницу, рядом с которой написал внутренний монолог: «Интересно, расстроен ли мой брат?»

Фу Синчэнь, увидев это, едва не рассмеялся. Почему гусеница? Он, подражая, нарисовал рядом ящерицу и тоже написал: «Нет, я просто никогда не писал объяснительных и не знаю, как это делать.»

Записку скомкали и бросили на заднюю парту.

Тан Сун первым начал, гусеница сменила позу и спросила:

— Почему лягушка?

Хотя это была ящерица, Фу Синчэнь убедил себя, что земноводные выглядят примерно одинаково.

Фу Синчэнь ответил:

— Почему гусеница?

— Потому что гусеницу легко рисовать.

Фу Синчэнь действительно не ожидал этого. Изначально он хотел нарисовать бабочку, но не смог, поэтому заменил ее на ящерицу, которая ест бабочек. Правда, его навыки рисования были не на высоте, и ящерица получилась некрасивой.

Если ее приняли за лягушку, значит, она не такая уж и уродливая. Да и лягушки тоже едят бабочек, утешил себя Фу Синчэнь.

Он бросил записку обратно:

— Это ящерица.

— Вау.

Какими двумя словами можно оскорбить человека?

На первой перемене эти девять человек собрались вместе, чтобы обсудить, кто какую объяснительную будет копировать. Они боялись, что у них будут одинаковые.

Тан Сун был мастером написания объяснительных, но тема с фейерверками была для него новой. Раньше он писал только о любовных отношениях.

И Цзялэ выглядел озадаченным:

— Где найти шаблон объяснительной за фейерверки?

— Ты не можешь просто скопировать.

Тан Сун уже нашел шаблон и начал писать.

— Найди пример, но остальное нужно адаптировать самому.

— Но где найти такой шаблон? Сун, что ты пишешь?

— О пользовании телефоном.

Тан Сун, усердно работая, уже написал несколько сотен слов.

— Ты не знаешь Цуй Янь. Написание объяснительной не так важно, важно ее чтение. Цуй Янь выберет самый неловкий момент и заставит тебя зачитать ее с выражением. Так что не пиши ерунду ради объема.

— Ох.

Вэй Фэнжао был в шоке.

— Неужели в коридоре?

Ся У подтвердил:

— Да, тебе повезло, что сейчас только первый и второй классы, и людей мало. Когда Тан Сун читал объяснительную, это было настоящее зрелище.

— Ты часто пишешь объяснительные?

Фу Синчэнь только что выбрал объяснительную для Мэн Мянью и теперь искал для себя.

— В основном из-за любовных историй.

Фан Цинтин объяснила за Тан Суна.

— У него толстая кожа, читает объяснительные, как любовные письма.

— Эй, не порти мою репутацию.

Тан Сун на мгновение почувствовал себя виноватым, впервые подумав, что Фан Цинтин слишком болтлива.

— Ладно, ладно, ты не читал любовные письма, это было просто рутинное дело.

Чем больше он объяснял, тем хуже становилось.

— Эй, Ся У, ты не вмешайся?

Ся У, писавший как Ся У, читался как инструмент. Когда он был полезен, он был зятем.

Ся У уже отошел подальше.

Тан Сун хотел сменить тему:

— Эй, я с братом планируем поесть хого на обед, вы с нами?

— Почему ты так легко называешь его братом?

Мэн Мянью сидела на месте Фу Синчэня, а он стоял рядом.

— А что, нельзя?

— Это мой брат.

— Ты сама его так не называешь, правда, брат?

Фу Синчэнь...

— Мянью, будешь хого?

— Конечно, где будем есть?

— Сварим в кастрюле.

— Что?

Фу Синчэнь заколебался и посмотрел на Тан Суна:

— Обязательно сегодня?

Тан Сун тоже заколебался. Если сказать, что он боится Цуй Янь, это было бы преувеличением, но если сказать, что он не боится, это было бы ложью. Он посмотрел на Фу Синчэня:

— Если не хого, то я пообедаю с тобой.

Фу Синчэнь поумнел:

— Попролам?

— Я угощаю.

— Что, кто угощает?

Вэй Фэнжао тут же поднял голову.

— Не твое дело, брат, ты пойдешь?

— Ему нельзя есть что попало.

Мэн Мянью снова объяснила за Фу Синчэня.

— Тогда ты выбери место, я заплачу, ладно?

Тан Сун быстро предложил.

Не было причин отказываться, и Фу Синчэнь быстро кивнул.

Но Мэн Мянью не поняла, почему Тан Сун вдруг захотел поесть с Фу Синчэнем. Она сказала:

— Брат, ты больше не будешь есть со мной?

— Ты уже большая, зачем тебе постоянно быть с братом? Иди сама найди кого-нибудь.

Тан Сун намекал на Лян Иню, и Мэн Мянью поняла, Лян Иню понял.

Фу Синчэнь тоже понял.

Тан Сун почувствовал, что сказал что-то не то.

На следующем уроке Фу Синчэнь нарисовал записку для Тан Суна: лягушка наступила на

гусеницу.

— Ты получил что-то от Лян Иня?

— Несправедливо, брат.

Тан Сун боялся именно этого.

— Я просто хотел поесть с тобой.

Записку бросили, но ответа не последовало.

Тан Сун был мастером читать выражения лиц, но он сидел за спиной Фу Синчэня и не видел его лица.

<http://bllate.org/book/15568/1385587>